

УДК 82-31

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО РОМАНА К. КРАХТА И И. НИРМАНА «МЕТАН»

© Юрий Цветков

DOCUMENTARY AND ARTISTIC NATURE OF THE NOVEL “METHANE” BY K. KRACHT AND I. NIERMANN

Yuri Tsvetkov

The famous Swiss writer Christian Kracht (born 1966) and German writer Ingo Niermann (born 1969) present both fictional and documentary information in the postmodern space of the novel “Methane” (2007) as they explore the contemporary issue of the global struggle for the sources of methane. The techniques of game, hyperbole, antithesis, irony and satire create a scientific-fictional mystifying allegory with an open catastrophe ending. However, the dystopian denouement acquires the characteristics of a novel-warning, the seriousness and significance of which are not superseded by the fictional game with geographic, thematic and linguistic features. A return to real political events in search of enemies of the Almighty Methane shifts the work into another sphere, i.e. the hostile world of the twenty-first century. A documentary perspective of the novel turns into a symbol of conflict and fragility of the modern world, divided in its geopolitical struggle for possessing raw materials. Artistic assumptions of the authors in the form of a game novel border on the absurd, proving the futility of globalist aspirations in the possession of methane on the planet Earth. The synthesis of documentary and fictional nature in the narrative discourse of the novel “Methane” creates, on the one hand, a bizarre field of intellectual game, provocatively combining truth and fiction. On the other hand, its documentary nature, getting into the context of fictional relativity, activates the reader's perception of the social reality in crisis, described in the novel. The globalist goal of seizing the sources of methane by force is clearly identifiable in unusual plot twists and reincarnations of the characters. The authors of the novel follow Brecht's method of “the effect of alienation” (*Verfremdungseffekt*) deliberately confronting “form” and “content”, destroying the illusion of peaceful existence of modern civilization and warning of a possible General catastrophe.

Keywords: postmodernism, game, document, fiction, dystopia, hoax.

Известный швейцарский писатель Кристиан Крахт (род. 1966) и немецкий писатель Инго Нирман (род. 1969) в постмодернистском пространстве романа «Метан» (2007) представляют вымышленную и документальную информацию при развертывании современной темы мировой борьбы за источники метана. Приемы игры, гиперболы, антитезы, иронии и сатиры создают научно-художественную мистификацию-аллеорию с открытым финалом-катастрофой. Однако антиутопический финал приобретает черты романа-предупреждения, серьезность и значимость которого не потерялись в вымышленной игре географического, тематического и лингвистического плана. Возвращение к реальным политическим событиям в поисках врагов Всемогущего Метана переводит произведение в иную сферу – враждебный мир XXI века. Документальный ракурс повести становится символом конфликтности и хрупкости современного мира, разделенного в геополитической борьбе за обладание сырьевыми запасами. Художественные допущения авторов в игровой форме романа граничат с абсурдом, доказывая тщетность глобалистских устремлений в обладании метана на планете Земля. Синтез документального и художественного в повествовательном дискурсе романа «Метан» создает, с одной стороны, причудливое поле интеллектуальной игры, провокационно объединяющей правду и вымысел. С другой стороны, документальное начало, попадая в контекст фикциональной относительности, активизирует читательское восприятие кризисной социальной действительности романа. В необычных поворотах сюжета и перевоплощениях персонажей четко прослеживаются глобалистские цели захвата силой источников метана. Авторы романа следуют брехтовскому приему «эффект очуждения» (*Verfremdungseffekt*), нарочито сталкивая «форму» и «содержание» в непримиримом противоборстве, разрушая иллюзию мирного существования современной цивилизации и предупреждая о возможной всеобщей катастрофе.

Ключевые слова: постмодернизм, игра, документ, вымысел, антиутопия, мистификация.

В мировой литературе XX–XXI вв. документализм присутствует постоянно, волнообразно выходя на первый план литературного процесса. При этом документализм порождает новые формы и способы осмысления реальности, используя такие неоднозначные понятия, как «нон-фикшн», «литература действия», «литература факта», «литература человеческого документа» и др. В разные литературные эпохи сходные термины, например документальной прозы, получали конкретное смысловое наполнение. Причем основополагающим моментом всегда являлся «документ», используемый для художественных исследований событий политической, общественной или личной жизни человека. В документализме основным вопросом остается взаимодействие реального факта и вымысла в художественном произведении, а проблема вымысла непосредственно связана с особым способом функционирования языка в нем: «В структуре художественного произведения всегда присутствует сложное сочетание фиктивных и реальных элементов, но элементы реального мира преобразуются авторским замыслом и сами участвуют в конструировании художественной реальности. В документально-художественной литературе важна именно связь между миром реальным и художественным, которую автор стремится сделать зримой для реципиента. Поэтому предметы и явления реального мира – исторические события и лица, время, пространство, статистические данные, документы – становятся в документально-художественном произведении объектами прямой референции» [Дронова, с. 16–17].

Немногие произведения мировой литературы носят название органических соединений. В истории американской литературы тема борьбы рабочего класса звучала, по терминологии критика и публициста Р. Борна, в «социологических романах» Эптона Синклера «Король уголь» (1917) и «Нефть!» (1927) [Зверев, 1994, с. 514]. Первый из них рассказывает об ужасных условиях жизни и труда шахтеров, поднявшихся на забастовку. Успех романа во многом объяснялся переводом на английский язык романа «Мать» (1906), написанного А. М. Горьким во время поездки в Америку [Засурский, с. 86–87]. Второй роман «Нефть!» воспроизводит историю нефтяных войн, превзошедших своей жестокостью войны Дикого Запада, и заканчивается уверенностью в революционном переустройстве мира.

Авторы романа «Метан» (2007) – немецкоязычные писатели Кристиан Крахт и Инго Нирман. Известный швейцарский писатель К. Крахт является одним из ярких представителей моло-

дого «поколения гольф», заявившего себя в середине 1990-х годов в Швейцарии и Германии. Бунтующее поколение Крахта генетически восходит к известным в США и Европе движениям поп-литературы. Она возникла как «поколение битников» в конце 1940-х и в 1950-х годах в США и объединила таких писателей, как Аллен Гинсберг, Уильям Берроуз, Джек Керуак и более или менее свободную группу молодежи, которая пыталась выразить свое специфическое мироощущение: «Битники необычайно остро чувствовали всю глубину противоречия между материальным прогрессом и духовным обнищанием. В их стихах и прозе речь шла о хаосе повседневного существования, о механизации в „массовом обществе“ не только быта, но и сознания, чувств, о бездуховности, о засилье стандартов, убожестве идеалов и лицемерии официально провозглашенных принципов» [Зверев, 1979, с. 193]. Битники представляли свой нетрадиционный образ жизни на разговорном языке и просторечье.

К. Крахт – автор нескольких широко известных и переведенных у нас романов «Faserland» (1995), «1979» (2001), «Метан», «Я буду здесь, на солнце и в тени» (2009), «Империя» (2012), а также сборника путевых заметок и эссе «Карта мира» (2000–2006). Крахт часто менял города и страны. Он провел детство в Швейцарии, США, Канаде и на юге Франции, затем жил в Центральной Америке, в Бангкоке, Катманду, наконец в Буэнос-Айресе. В 1997 году становится корреспондентом журнала «Шпигель» в Южной Азии. Местом его пребывания были Индия и Таиланд. Оттуда он проводил путешествия по Азии. Вместе с Э. Никелем Крахт опубликовал сборник статей «Каникулы навсегда». Он – издатель антологии поп-литературных текстов «Месопотамия», а также сборника эссе об Азии «Желтый карандаш». В 2004 году пребывал в Северной Корее. Вместе с Э. Никелем он создал журнал «Друг». В 2006 году Крахт сотрудничал во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». В одном из театров Гамбурга автор поставил пьесу «Баварские моторные заводы». В 2007 году переехал в Аргентину, где живет в настоящее время. Последним известным романом Крахта является роман «Империя», широко дискутируемый в критике. Российские литературоведы справедливо относят Крахта к группе современных писателей поп-культуры [Баскакова, с. 262].

Инго Нирман менее известен в России, переведен один его роман – «Именно это» («Der Effekt», 2001). Под «этим» в романе подразумеваются деньги, успех, секс, наркотики и мода, претендующие на звание «новых богов поколения».

Нирман изучал философию, он живет в Берлине и Лондоне. Свою деятельность он начал в газете «Зюддойче Цайтунг». В 1999 году написал рассказ для антологии поп-литературных текстов «Месопотамия», изданной Крахтом. В 2006 году вышла в свет нашумевшая в прессе «Страна перестройки» («UmbauLand»), содержащая десять провокационных предложений к радикальной реформе Германии. Некоторые из них – обладать атомным вооружением и проводить земельную реформу для создания дачных поселений. В 2006 году вместе с Крахтом Нирман совершил подъем на Килиманджаро, что послужило основой для написания совместного романа «Метан» [Нирман].

Метатекстуальные элементы романа заинтриговывают читателя. Подзаголовок «Первая часть трилогии» не оправдывается, поскольку продолжения романа нет. Посвящается роман некоему Хари Бхакта Патаку, а эпиграф на английском языке звучит так: «То, что в общественных школах и университетах большинства стран сегодня преподается как история, – в основном – мошенничество». Это цитата Л. Ларуша из книги «Будут ли Советы управлять в 1980-х?» [Крахт, Нирман, с. 9]. Недоверие к интерпретации истории и вопрос на политическую тему о судьбе власти в СССР задают, с одной стороны, вектор скептического, постмодернистского «недоверия к метарассказам», по терминологии Ж.-Ф. Лиотара [Лиотар, с. 10], а с другой, вектор конкретно-исторического развития одной из ведущих держав мира в гипотетической форме. Таким образом, назначение истории в ее традиционном понимании остается за рамками коллективных авторских интенций, что, несомненно, отдаляет произведение от документального дискурса.

Основной повествовательный корпус романа представляет собой ряд географически отдаленных друг от друга (по месту действия) фрагментов, нередко имеющих сквозных персонажей и объединенных единой темой метана. В романе рассматриваются вопросы органической химии, теории биогенеза и политической истории XX века. Обилие научной и публицистической информации в романе подчинено той же теме метана. За повествовательным корпусом следует внушительный «Список мест, имен и объединений» (22 страницы) на немецком и английском языках, что придает произведению вид гроссбуха или научного трактата.

Повествовательная часть «Метана» начинается и заканчивается одним и тем же междометием: «Ммм», – доносится из рыбного ресторана небольшого немецкого городка [Крахт, Нирман, с. 11] в начале, а заканчивается роман страшным

извержением Килиманджаро: «Человекообразная обезьяна воздевает руки и во все горло ревет: „Ммм!“» [Там же, с. 130]. В антитетическом противопоставлении благостного зачина и трагической концовки поступательно развивается заглавная тема романа. В первом фрагменте место действия – «Штукенброкский сафари-парк» [Там же, с. 11]. В нем «дебильные» пассажиры-монголоиды через окна своих туристических автобусов «видят уже не Африку, а ими же выдохнутый конденсированный газ» [Там же, с. 12]. Авторская провокация очевидна: парк с дикими животными и вольеры, где живут «обезьяны, гепарды, слоны» в маленьком немецком городке существует, как и «черно-африканские сторожа» «в забранных решетками и раскрашенных под зебру „Фольксвагенах“». Однако странным образом они «... следят за тем, чтобы непрозрачные и покрывшиеся разводами стекла красных автобусов не открывались» [Там же]. То есть пассажиры находятся в сафари-парке в автобусах – своеобразных непрозрачных газовых камерах с целью «увидеть» «выдохнутый конденсированный газ» [Там же]. Абсурд создавшейся ситуации распространяется не только на «дебильных пассажиров» [Там же], но и на провокаторов-рассказчиков, с первого фрагмента подрывающих веру читателя в предлагаемые реальные истории.

Во втором фрагменте место действия переносится «за тысячи километров к югу от Тевтонбургского леса, в Моши (Танзания)» [Там же, с. 13], где восхождением на вершину Килиманджаро руководит некий командер Дж., грабящий белых туристов «по 250 долларов *чаевых* с носа» [Там же, с. 14]. Свои сбережения он копит для свержения «Роберта Мугабе и возглавляемого им *Африканского Национального Союза Зимбабве – Патриотического Фронта* (АНСЗ–ПФ) в соседнем Зимбабве» [Там же, с. 15]. Этой же цели служит продажа наркотиков. Якобы воодушевляемые ими белые фермеры «смогут взять страну в клещи, чтобы вернуть себе контроль над политической жизнью и отобранные у них фермы» [Там же, с. 16]. Явно, что авторы подменяют истинные инструменты борьбы за власть на наркотики. Для них существенно другое: наркотики называются «мет» [Там же], одного корня со словом «метан». Мет, как и метан, – сильнодействующее на человека вещество.

В следующем фрагменте фантастический облик обретает командер Дж.: «<...> это не человек. Он состоит из человекообразной оболочки и наполняющего ее метанового газа». Кроме того, он «часть охватывающего весь мир метанового нечудища. Нечудище пребывает в Марианской

впадине у побережья Японии, самой глубокой точке нашей планеты; в виде метанклатарного соединения – также в натающих льдах Антарктики и в почве сибирской зоны вечной мерзлоты; а еще – в разных полостях Земли, в желудках коров и быков, над болотами и грязевыми вулканами, над рисовыми полями» [Там же, с. 17–18].

Понятно также, что «метановое нечудище» оспаривает «фундаментальные постулаты физики и биологии» [Там же, с. 18]: «То, что органическая жизнь способна распространяться и иным путем, кроме размножения, демонстрирует гениальная инженерия. Метан не репродуцирует себя сам, но его можно репродуцировать» [Там же].

Фрагмент Крахта и Нирмана приобретает черты псевдонаучного фантастического повествования.

Используя известный прием риторики – амплификацию (увеличение, раздувание), авторы усиливают доводы в том, что метан является «пра-воздухом, всемирной духовной сущностью» [Там же, с. 19], поскольку в упанишадах говорится об этом как об «атмане», а если переставить буквы в этом слове, получается равнозначное слово – метан. Кроме того: «Согласно упанишатам, мантрический слог „аум“, или „ом“ – это тот первозвук, из которого возникает космос» [Там же, с. 20], а «назализация гласного звука, обозначенная в санскрите как *чанрабинду*, намекает на резонирующее тело коровы», поэтому «под изначальным первозвучком подразумевается „Мммм“ этого животного, почитаемого в индуизме как мать людей» [Там же]. Игровой принцип и иронический подтекст приобретают важную роль в повествовании, придавая ему юмористический характер. Ведущим стимулом для продолжения чтения становится интеллектуальная игра авторов-нарраторов сама по себе.

Так «производительницей метана» становится корова, ее «священное значение» давно осознали индуисты. Раджниш, позднее под именем Бхагван и Ошо, «разработал абсолютно новые техники медитации, при которых верящий в Метан человек вместо того, чтобы часами оставаться неподвижным, должен – трясясь, подпрыгивая, танцуя и громко пыхтя – расходовать как можно больше энергии» [Там же, с. 25]. Метан становится божеством, а веселящий газ – «это маленький озорной брат метана. Он не только заботится о хорошем, стимулирующем обмене веществ, но и, составляя шесть процентов атмосферы, гордо вносит свой вклад в изменение климата и тем самым в терраформирование – метанизацию всей нашей планеты» [Там же, с. 26–27].

Велика роль, как оказывается, метана в солнечной системе, поскольку из метана возникла

жизнь [Там же, с. 37], а культ солнца во многих цивилизациях «одновременно являлся и культом метана» [Там же, с. 39]. Самый «совершенный интеллект существует в форме нечудища метана» [Там же, с. 44]. Постепенно весь мир становится ареной борьбы между метанистами и антиметанистами. В этом противостоянии угадывается смысл современной геополитики. Контроль за газовыми потоками является скрытой причиной политики ведущих стран мира. Так, например, на стороне метана находятся арабские страны, а в 1999 году Муаммар Каддафи «получил важное знамение», повторяя свое собственное имя, получилась мантра: «Муам-мар», «Мммуаммар», «Ммммуаммар». И тут он понял, что по-настоящему борьбу нужно вести не за создание какой бы то ни было Пан Африки или Панарабии, а должна она служить возобновлению дружеских отношений с Европой, с Китаем и прежде всего – с Соединенными Штатами. Машины и их горючее должны не враждовать друг с другом, – так говорил Метан, – а протянуть друг другу руку, как два брата [Там же, с. 49–50]. Обожествление Метана и вера в него – создание нового мифа человеческой цивилизации.

Метан способствует установлению на Земле некоей утопии, но есть у него и враги, а величайший из них – Усама бен Ладен. Он руководил Аль-Каидой, «террористической организацией, имитирующей непостижимую суть нечудища Метана» [Там же, с. 62]. Документальная основа деятельности террориста номер один не вызывает сомнения, однако следующее умозаключение о том, что закулисным кукловодом событий 11 сентября 2001 года, был, по мнению авторов, Саддам Хусейн, остается информацией, недоказанной до настоящего дня. Правдивое утверждение соседствует с сомнительными выводами, за которыми следуют аргументы, подтверждаемые документально: события 11 сентября «равным образом неудобны как для Демократической, так и для Республиканской партии» в США [Там же, с. 63]. Игра с документальным и псевдодокументальным представляет собой вид интеллектуальной игры, создающей относительность истины и лжи, что характерно для постмодернистского романа.

Фантастические допущения касаются и отдельных стран, которые могут образовывать несуществующие содружества. Например, решительными врагами Метана объявляются Япония, Австралия, Южная Африка и Швейцария. Япония претендует на Курильские острова, Манчжурию и весь Китай [Там же, с. 69]. Австралия строит планы аннексии частей Индонезии и Ин-

дии [Там же, с. 71]. Давняя цель Южной Африки – «подвергнуть ядерной бомбардировке Килиманджаро» [Там же, с. 111]. Швейцария мечтает о создании собственной атомной бомбы, «чтобы и в будущем эффективно защищать свой нейтралитет» [Там же, с. 105]. Наиболее взрывоопасной представляется авторам ситуация в Южной Африке. Со времен апартеида считалось, что ядерная бомба «откупорила бы неактивный уже столетия и запертый кратер этого вулкана (Килиманджаро). Повторное извержение в сочетании с ядерным заражением Восточной Африки создало бы новую, превосходящую всех сегодняшних людей расу. Генетически застывшие и культурно деградировавшие народы были бы уничтожены, и возник бы новый мир» [Там же, с. 92].

Так постепенно утопический план переустройства мира сменяется антиутопическим. Игровое поле произведения превращается в политическую сатиру. Идеологом мировой перестройки выступает тот самый Хари Бхакта Патак, кому посвящается роман «Метан». Он – мойщик автомобилей в столице Непала Катманду. Ему идет пятый десяток, у него «лукаво-мудрое, возвышенное выражение ... лица». Намекая на тибетскую «Книгу мертвых», он «точно видит переход от механистического века к веку метана. Произойдет большой взрыв и извержение вулкана, на границе между северным и южным полушариями нашей планеты» [Там же, с. 125]. Размышления о современной цивилизации приводят Патака к мысли о ее неизбежной катастрофе и неминуемом возрождении.

В предпоследнем фрагменте некий «белокурый пилот» сбрасывает две атомные бомбы со своего истребителя на Килиманджаро [Там же, с. 127]. В заключительной главке у подножия горы появляется человекообразная обезьяна. Она пьет воду и пытается защититься от саблезубого тигра. Далее она «пристально смотрит на взрыв горы над ней; теперь вверх выбрасываются раскаленные докрасна глыбы горной породы, из вулканического жерла Килиманджаро во всех направлениях течет жидкая лава, в направлении маленького озера – тоже. Человекообразная обезьяна воздевает руки и во все горло ревет: „Мммм!“» [Там же, с. 130].

Роман заканчивается земной катастрофой. Враги Метана в противостоянии с метанистами оказались сильнее. Антиутопический финал произведения приобретает черты романа-предупреждения, приобретая серьезность и значимость, которые не потерялись, однако, в связи с активным развитием игрового начала в географическом, тематическом и лингвистическом ракурсах. Возвращение к политическим событиям

в поисках врагов Всемогущего Метана переводит произведение в иную тональность, сгущает краски в обращении к реально существующему миру XXI века, в котором всемирная катастрофа кажется неизбежной. Метан в романе становится символом конфликтности и хрупкости современного мира, разделенного в геополитической борьбе на враждебные стороны.

К. Крахт и И. Нирман в постмодернистском игровом пространстве разнородной и часто недостоверной информации, прихотливо развертывая заданную тему приемами игры, гиперболы, антитезы, иронии и сатиры, создали оригинальную научно-художественную мистификацию-аллегория с открытым финалом. Документальная основа романа о сырьевых рынках с их амбициозными планами агрессивного расширения сфер влияния не размывается в произведении игровыми приемами. Серьезное и опасное развитие заданной темы приобретает разные виды авторского вымысла, а природа фикциональности непосредственно связана с разными способами функционирования языка в художественном произведении.

Авторы романа обращаются к равнодушному читателю. Политические воззрения К. Крахта и И. Нирмана, как и в свое время американских битников, выразились в критике «общества мэйнстрима» с его претензиями на глобальное доминирование на мировых рынках. Документально-художественное произведение «Метан» имеет в своей основе специфическую коммуникативную стратегию, определяющую кругозор познаний авторов и задающую особый модус прочтения текста. Выстраивание жанровой типологии документально-художественной литературы XXI века весьма затруднительно в связи со сложностью жанровых процессов, происходящих в романе. По мнению Н. Л. Лейдермана, развитие современного романа связано с тремя основными процессами: становлением антижанров, жанровой диссоциацией и развитием индивидуально авторских жанров [Лейдерман, с. 631–643]. Роман К. Крахта и И. Нирмана явно тяготеет к антижанрам, поскольку в игровом пространстве постмодернистского романа документ и псевдодокумент становятся частью игры с традиционными жанровыми формами: политический, социальный, приключенческий, научно-фантастический роман, роман-путешествие, антиутопия. По мнению некоторых ученых, острая современная «волна» интереса к документальной литературе напрямую связана с современным немецким поп-романом [Роговба].

Не случайно, что молодой и всесторонне образованный швейцарский писатель К. Крахт и

его молодой друг И. Нирман, создавая роман «Метан», сознательно развивают особый тип созерцания современного универсума, понимая под ним хорошо знакомую реальность как Швейцарии и Германии, так и общемировую. Как и в других романах К. Крахта, документальное начало является важнейшим фактором осмысления проблем современной цивилизации. Фикциональное начало служит созданию в развлекательной форме вспомогательных элементов, нацеленных на динамическое развитие сюжета, построение системы персонажей, от которых зависят судьбы мира, обострение конфликтной ситуации до гибели вселенной, поиски сатирических и юмористических деталей отдельных персонажей и эпизодов. При этом новый способ аутентичного отражения действительности не только не затушевывается, но и многократно акцентируется.

Список литературы

Баскакова Т. Апокалипсис в блекло-зеленых тонах // Крахт К. 1979. М.: Ad Marginem, 2002. С. 259–286.

Дронова О. А. Романы «новой деловитости»: проблематика, жанровый диапазон, поэтика: автореф. дис. ... докт. филол. наук: Воронеж, 2018. 40 с.

Засурский Я. Н. Американская литература XX века. М.: изд-во МГУ, 1984. 504 с.

Зверев А. М. Битники // А. М. Зверев Модернизм в литературе США: формирование, эволюция, кризис. М.: Наука, 1979. С. 192–208.

Зверев А. М. Социальные движения рубежа веков. Натурализм. Литература критического реализма // История всемирной литературы в 9-ти т. Т. 8. М.: Наука, 1994. С. 513–524.

Крахт К., Нирман И. Метан. М.: Ad Marginem, 2008. 156 с.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2010. 904 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Нирман Инго // Википедия, 2018–2018. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=91381989> (дата обращения: 20.05.2018).

Porombka S. Real Ground Zero. Die Wiederkehr des Dokumentarischen // Literatur der Jahrtausendwende / Themen, Schreibverfahren und Buchmarkt um 2000 / Zemanek E., Krones S. (Hg.). Bielefeld: transcript Verlag, 2008. S. 267–279.

References

Baskakova, T. (2002). *Apokalipsis v bleklo-zelenykh tonakh* [The Apocalypse in Pale Green]. Krakht K. 1979. Pp. 259–286. Moscow, Ad Marginem. (In Russian)

Dronova, O. A. (2018). *Romany "novoi delovitosti": problematika, zhanrovyy diapazon, poetika: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Novels "The New Efficiency": The Issues, Range of Genres, Poetics: Doctoral Thesis Abstract]. Voronezh, 40 p. (In Russian)

Krakht, K., Nirman, I. (2008). *Metan* [Methane]. 156 p. Moscow, Ad Marginem. (In Russian)

Leiderman, N. L. (2010). *Teoriia zhanra. Issledovaniia i razbory* [Theory of Genre. Research and Analysis]. 904 p. Ekaterinburg, Ural'skii gos. ped. un-t. (In Russian)

Liottar, Zh.-F. (1998). *Sostoianie postmoderna* [The State of the Postmodern]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii, 160 p. St. Petersburg, Aleteiia. (In Russian)

Nirman, Ingo. *Vikipediia* (2018–2018) [Wikipedia]. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=91381989> (accessed: 20.05.2018). (In Russian)

Porombka, S. (2008). *Real Ground Zero. Die Wiederkehr des Dokumentarischen. Literatur der Jahrtausendwende / Themen, Schreibverfahren und Buchmarkt um 2000 / Zemanek E., Krones S. (Hg.). Bielefeld: transcript Verlag, pp. 267–279.* (In English)

Zasurskii, Ia. N. (1984). *Amerikanskaia literatura XX veka* [American Literature of the Twentieth Century]. 504 p. Moscow, izd-vo MGU. (In Russian)

Zverev, A. M. (1979). *Bitniki* [The Beat Generation]. A. M. Zverev. *Modernizm v literature SShA: formirovanie, evoliutsiia, krizis*. Pp. 192–208. Moscow, Nauka. (In Russian)

Zverev, A. M. (1994). *Sotsial'nye dvizheniia rubezha vekov. Naturalizm. Literatura kriticheskogo realizma* [Social Movements of the Turn of the Century. Naturalism. Critical Realism Literature]. *Istoriia vseмирnoi literatury v 9-ti t. T. 8*, pp. 513–524. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 17.06.2018
Поступила в редакцию 17.06.2018

Цветков Юрий Леонидович,
доктор филологических наук,
профессор,
Ивановский государственный университет,
153025, Россия, Иваново,
Ермака, 39.
jzvetkow@mail.ru

Tsvetkov Yuri Leonidovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Ivanovo State University,
39 Yermak Str.,
Иваново, 153025, Russian Federation.
jzvetkow@mail.ru